

В.И. Модестов

**Журнал Министерства
Народного Просвещения**

Часть 320

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.И. Модестов**
Журнал Министерства Народного Просвещения: Часть 320 / В.И. Модестов –
М.: Книга по Требованию, 2014. – 88 с.

ISBN 978-5-4241-7144-4

Журнал Министерства Народного Просвещения.

ISBN 978-5-4241-7144-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

такъ и извлеченныхъ изъ земли. Тамъ, гдѣ лѣтописи исторіи молчать, голосъ остается прежде всего за археологіей, которая иногда бываетъ въ состояніи раскрыть картины такого отдаленнаго прошлаго, до котораго не достаютъ своею свободною рукою никакія сказанія. Археологіи, конечно, приходятъ на помощь и другія науки, заглядывающія въ доисторическую даль. Тутъ на первомъ планѣ стоятъ съ одной стороны лингвистика, съ другой антропологія съ этнологіей. Тамъ, гдѣ эти три или четыре отрасли знанія могутъ быть приложены вмѣстѣ, онѣ въ состояніи привести къ выводамъ, передъ положительностью которыхъ критика мифовъ и сказаній, хотя бы и подкрѣпляемая этимологическими соображеніями, представляется дѣтскою забавою.

Но бываетъ такъ, что и археологія молчитъ или не въ силахъ сказать что-нибудь положительное, а рядомъ съ этимъ мы не можемъ добиться сколько-нибудь внятнаго отвѣта на наши вопросы и отъ науки языковѣдѣнія, да и въ самой области сказаній нѣтъ никакого отголоска отъ временъ, насъ занимающихъ. Въ такомъ именно положеніи находится вопросъ о прибытіи латинскаго племени въ долину Тибра. Ни мѣста, откуда оно двинулось въ Италію, ни времени, къ которому это движеніе относится, ни обстоятельствъ, сопровождавшихъ его странствованія до Альбанскихъ горъ, гдѣ оно окончательно осѣло, ни этаповъ, какими оно совершало свой нелегкій путь, ни народовъ, съ которыми оно дружественно или враждебно сталкивалось, ни культурнаго багажа въ понятіяхъ, вѣрованіяхъ, привычкахъ, съ каковыми оно поселилось на новомъ мѣстѣ,—намъ ничто прямо не указываетъ. А между тѣмъ все это вопросы для начала римской исторіи первостепеннаго интереса. Они вторгаются въ работу насильно, становятся при современномъ пробужденіи интереса къ до-историческимъ эпохамъ неотвязными и требуютъ отвѣта, хотя бы въ томъ слабомъ видѣ, какой возможенъ на основаніи научныхъ комбинацій, вытекающихъ изъ нѣкоторыхъ данныхъ, если не прямо, то косвенно сюда относящихся.

Попытаемся немножко разобраться въ этомъ еще почти непроглядномъ сумракѣ доисторическихъ временъ Италіи, начавъ путь своихъ поисковъ съ данныхъ, установленныхъ научнымъ образомъ, и затѣмъ опираясь лишь на матеріалъ, добытый раскопками и подлежащій непосредственному изученію.

I.

Теорія греко-италійскаго единства.

Уже болѣе восьмидесяти лѣтъ, какъ Францомъ Бопиомъ (1816 г.) было научно, посредствомъ сравнительнаго метода, доказано, что латинскій языкъ принадлежитъ къ одному семейству съ санскритомъ, греческимъ, персидскимъ и нѣмецкимъ, къ которымъ впоследствии (1833) основатель сравнительнаго языковѣдѣнія прибавилъ и другіе языки, носящіе у нѣмцевъ обыкновенно названіе индо-германскихъ, а въ остальной Европѣ индо-европейскихъ или арійскихъ. Такимъ образомъ добытъ былъ фактъ, что племя, утвердившееся еще въ доисторическое время въ долинѣ Тибра и извѣстное потомъ подъ именемъ латинянъ, было племя индоевропейскаго или, иначе, арійскаго корня. Вскорѣ послѣ того, встрѣчаясь съ разсыпанными по Италиі остатками письменности народовъ Верхней, Средней и Нижней Италиі, стали приходить къ мысли, что къ одному племени съ латинянами должны были принадлежать и другія италійскія племена, за исключеніемъ этрусковъ, языкъ и культура которыхъ представляла видимую разницу, то-есть племена умбро-сабельскія, носившія разныя названія (сабиняне, эквы, марсы, самнитяне, оски, вольски и др.). Стало ясно, что когда-то Италия, какъ это было и въ Греціи, подверглась вторженію многочисленнаго племени, у котораго былъ одинъ коренной языкъ, отличавшійся однако въ каждой вѣтви этого племени своими особенностями. Но затѣмъ, съ половины текущаго столѣтія, стали приходить все болѣе и болѣе къ явному убѣжденію, что латинскій языкъ, при всемъ родствѣ своемъ съ умбро-сабельскими языками, стоитъ особнякомъ отъ нихъ съ нѣсколькими своими нарѣчіями, куда относятся и фалискій языкъ, или нарѣчіе, ставшее извѣстнымъ только съ начала шестидесятыхъ годовъ по сохранившимся надписямъ. Эта, частью фонетическая, частью грамматическая (какъ въ флексіяхъ, такъ и въ синтаксисѣ), а до извѣстной степени и лексическая особенность ¹⁾ латинскаго языка срав-

¹⁾ См. преимущественно *Rob. Planta, Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte*. I. (Страсбургъ, 1892), р. 9—12. Планта указываетъ, какъ на нѣчто поразительное, на флексивныя особенности, „die in der That für so nahe zusammengehörige Dialekte auffallend gross sind“. Ничего такого въ этомъ, то-есть въ флексивномъ, отношеніи не представляютъ, замѣчаетъ онъ, ни дрине-индійскій по отношенію къ древне-иранскому, ни даже греческіе діалекты (ни славянскіе языки, добавимъ мы съ своей стороны).

нительно съ другими италійскими языками или нарѣчіями, естественно наводила на мысль, что, должно быть, вторженіе италійскаго племени въ Италію происходило не одновременно и что латинская вѣтвь заняла свое мѣсто на полуостровѣ раньше другихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя проникли, правда, современемъ южнѣ латиняне, по то были уже умбро-сабельскія колонія, принадлежащія частью уже къ историческому времени. Такъ именно было съ самнитянами, распространившимися въ четвертомъ столѣтіи Рима по Кампаніи. Итакъ въ какую-то отдаленную эпоху, пришло на Апеннинскій полуостровъ латинское племя, составлявшее часть индо-европейскаго и вѣтвь италійскаго племени, къ которому оно относилось какъ, напримеръ, іонійское племя къ общему племени эллиновъ, но въ то-же время, стоявшее по языку въ опредѣленной противоположности къ другимъ вѣтвямъ своего племени, которыя были ближе другъ къ другу, чѣмъ къ нему, и, слѣдовательно, заставляющее думать, что оно пришло на полуостровъ не съ ними, а отдѣльно и, какъ по его географическому положенію естественно заключить, пришло раньше и умбровъ, и сабелловъ.

Таковы установленные наукой языкознанія факты и таковы выводы, изъ нихъ вытекающіе, относительно прибытія въ долину Тибра предковъ римлянъ и всего историческаго населенія Лаціума,—факты и выводы, усвоенные историками нашего времени и, между прочимъ, стоящимъ во главѣ ихъ Моммзенемъ. Послѣдній, пользуясь данными общаго арійскаго народомъ словаря, привелъ и инвентарь общей индо-европейской культуры, принесенной латинянами или вообще италиками изъ своей арійской родины на Апеннинскій полуостровъ, культуры, не переступавшей пастушескаго быта, которому было, однако, знакомо устройство домовъ или, по крайней мѣрѣ, хижинъ и шитье одежды, равно какъ счетъ до ста и семейный бытъ и было не чуждо понятіе о божествѣ съ нѣкоторыми религіозными представленіями. Но между эпохой раздѣленія индо-европейскихъ народовъ и поселенія латиняне въ средней Италіи долженъ былъ пройти длинный рядъ вѣковъ и потому запасъ культуры, съ которымъ они явились въ Италію, долженъ былъ сильно увеличиться новыми приобрѣтеніями. Поэтому Моммзенъ, на основаніи тѣхъ же данныхъ языкознанія, рисуетъ степень культуры, какаю была обща италикамъ съ греками до ихъ раздѣленія. Знаменитый ученый, какъ стоялъ прежде, такъ стоитъ и въ послѣднихъ изданіяхъ своей *Римской исторіи* на той точкѣ зрѣнія, что было-де время, когда греки и италики составляли одну „греко-италійскую на-

цію" (?), которая, современемъ, раздѣлившись, заняла два южно-европейскихъ полуострова: изъ нихъ западный достался италикамъ, а восточный эллинамъ. Это существованіе греко-италийскаго племени, то-есть такого періода, когда греки и италики составляли одно цѣлое,—существованіе, ни мало не оправдываемое данными языка, особенно грамматики, а въ ней особенно системой спряженій у обонхъ народовъ, есть старый предразсудокъ нѣмецкихъ ученыхъ—лингвистовъ, филологовъ и историковъ, — предразсудокъ, передававшійся однако еще недавно, какъ непреложная истина, который теперь оставленъ или оставляется всѣми, стоящими на уровнѣ движенія науки, учеными ¹⁾; но сравненіе общей грекамъ и италикамъ доисторической культуры возможно, какъ возможно, на основаніи тѣхъ-же данныхъ языка, сравненіе культуры того-же доисторическаго періода, какаа была обща италикамъ съ кельтами, германцами и славянами. Это сравненіе ведетъ къ заключенію, что италикамъ до переселенія на Апеннинскій полуостровъ знакомо было уже земледѣліе и огородничество, что они умѣли *орать* (араге, ἀράγειν), что у нихъ было для этого орудіе, *орало* (aratrum, ἀροτρον), что у нихъ былъ *огородъ* (hortus, χέρτος), что они знали *ячмень* (hordeum, χρίθη, нѣм. Gerste), *просо* (milletum, μελίτη), *ртуту* (гара, ῥαφανίς), *мальву* (malva, μαλάχη), умѣли толочь (pīnso, πτίσσω?), знали жерновъ (mola, μόλη), умѣли готовить изъ крупы или муки кашу (puls, πόλτος), и онъ даже думаетъ, что обонимъ народамъ еще тогда было извѣстно *вино* (vīnum, οἶνος), что очень сомнительно ²⁾. Но вообще надо сказать, что общихъ грекамъ и италикамъ понятій и терминовъ, касающихся земледѣлія и земледѣльческаго быта очень не много, гораздо меньше, чѣмъ общихъ италикамъ и другимъ вѣтвямъ арійскаго племени въ Европѣ. Даже такія необходимыя въ земледѣліи понятія и такіе термины, какъ *сѣять* (sego), *сѣмя* (semen), *зерно* (grainum, нѣм. Korn) общи у латинскаго языка съ кельтскимъ, германскимъ и славянскимъ, но не съ греческимъ.

¹⁾ Моммзену, конечно не безизвѣстны новыя результаты, вытекающіе изъ ближайшаго изученія италийскихъ нарѣчій и не допускающіе ближайшаго родства латинскаго языка съ греческимъ; но онъ не передѣлываетъ страницъ своей исторіи для принятія новыхъ взглядовъ не въ этомъ только случаѣ, но и во множествѣ другихъ, предпочитая оставлять все по прежнему, что, конечно, не служить къ достоинству его произведенія.

²⁾ См. Виктора Гена „Культурныя и домашнія животныя въ ихъ переходѣ изъ Азіи въ Грецію и Италію“ и пр., переводъ съ нѣмецкаго (С.-Пб. 1872), стр. 22 и 340.

Большая же часть наименованій видовъ хлѣбныхъ зеренъ въ латинскомъ и греческомъ различны. равно какъ въ именованияхъ сельскихъ орудій и даже частей плуга латинскій языкъ стоитъ особнякомъ отъ греческаго ¹⁾ и обнаруживаетъ родство съ сѣверо-европейскими языками, преимущественно-же съ кельтскимъ ²⁾. Викторъ Гецъ, указавшій, несмотря на свое признаніе греко-италійской эпохи, на эту особенность латинскаго отъ греческаго въ названіяхъ предметовъ земледѣльческаго быта, указываетъ на нее и относительно предметовъ, касающихся первоначальныхъ ремеслъ, именно тканья, основательно говоря, что греческія и латинскія слова, которыми обозначаются веретено и ткацкій станокъ и самое производство, чрезвычайно различны ³⁾. Печего и говорить о названіяхъ оружія, которыя впрочемъ въ большинствѣ принадлежатъ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ начало земледѣльческаго и ремесленнаго быта.

Словомъ, первобытное греко-италійское единство, за которое послѣ Моммзена и отчасти даже благодаря его авторитету, стояли между прочимъ такіе ученые, какъ Эрнстъ Курціусъ и Максъ Дункеръ между историками, Фр. Мюллеръ между этнографами, Гельбигъ между археологами, Фикъ между лингвистами и даже Шлейхеръ, принимающій впрочемъ въ греко-италійскую семью и кельтовъ и тѣмъ раздвигающій ее въ „южно-европейскій отдѣлъ“, въ настоящее время, послѣ работъ (юльена Шмидта ⁴⁾ О. Шрадера ⁵⁾ и Бругмана ⁶⁾ считается оставленнымъ, а латинскій языкъ еще Шлейхеромъ прямо признанъ стоящимъ ближе къ кельтскому, чѣмъ къ греческому ⁷⁾. Географическое положеніе латинскаго языка (или, правильнѣе, италійскихъ языковъ) объясняетъ его болѣе близкую связь съ греческимъ языкомъ, чѣмъ въ какой стоять съ этимъ послѣднимъ литовско-славянскіе языки, а также германскій и кельтскій, но ставить его въ непосредственно-родственное отношеніе съ греческимъ было бы такою же ошибкою, какъ славян-

¹⁾ См. примѣры въ только-что указанной книгѣ Виктора Гена, стр. 330.

²⁾ См. *Pictet, Les origines indo-europeennes ou les Aryas primitifs, essai de paléontologie linguistique*, II, p. 309 sq.

³⁾ Тамъ-же стр. 333, гдѣ и примѣры.

⁴⁾ *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen*. Weimar, 1872.

⁵⁾ *Sprachvergleichung und Urgeschichte*. Jena, 1883; 2-е изд. 1890.

⁶⁾ „Grundriss der vergleichenden Grammatik der indo-germanischen Sprachen. Strassburg, 1886—1893.

⁷⁾ См. его *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung*, I, 437; *Rhein. Mus. für Philologie XIV (1859)*, p. 330; *Compendium der vergl. Grammatik*, p. 6 (3 изд.).

скій языкъ ставить въ ближайшее родство съ иранскимъ, съ которымъ у него есть безспорно спеціальныя точки соприкосновенія, указывающія на продолжавшуюся связь славянскаго и иранскаго племени въ эпоху, когда такая связь уже давно прекратилась съ этимъ послѣднимъ у германцевъ и кельтовъ. Латинскій языкъ скорѣе всего представляется, согласно удачному опредѣленію Иог. Шмидта, „органическимъ посредствующимъ звеномъ между всѣми своими сосѣдями—греческимъ, кельтскимъ и нѣмецкимъ“ ¹⁾. Очень осторожно выразился Платта ²⁾, говоря: „Съ италійскимъ языкомъ всего ближе родственъ *очень ст-рожно* кельтскій, изъ другихъ языковъ, *быть можетъ*, греческій“. Бругманъ ³⁾, говоря о возможности до-историческихъ группъ среди европейскихъ языковъ, выражается такъ: „Всего скорѣе итало-кельтская гипотеза имѣетъ перспективу быть доведенною до высшаго вѣроятія“.

Впрочемъ, еслибъ теорія о греко-италійскомъ единствѣ и была вѣрною, то и въ такомъ случаѣ она нисколько не приближала бы насъ къ рѣшенію задачи, такъ какъ это предполагаемое единство относится къ такой стадіи индо-европейской культуры, которая почти нисколько не опредѣляетъ характера народа, не выдвигаетъ его изъ ряда другихъ соплеменныхъ ему народовъ. Это—стадія перехода отъ пастушескаго быта къ земледѣльческому, только еще начинающему слагаться, когда земледѣліе еще было въ извѣстной стѣнени кочевымъ, когда еще не было металлическихъ орудій и плугъ могъ быть сдѣланъ только изъ куска дерева. Такъ именно и характеризуетъ его Генъ, говоря: „мы можемъ приписать греко-италійцамъ то полукочевое земледѣліе, которое и до сихъ поръ въ ходу у бедуиновъ, у племенъ по ту сторону Волги и т. п.. Плугъ состоялъ изъ изогнутаго куска дерева, какой всегда можно было отыскать въ лѣсу, извѣстный еще Гезіоду *ἄροτρον αὐτόγυον*, между тѣмъ какъ различныя части позднѣйшаго плуга называемаго у Гезіода и Гомера *ἄροτρον πῆχτων*, различно обозначались по гречески и по латыни, изобрѣтены поэтому или заимствованы извнѣ, на новыхъ поселеніяхъ, уже послѣ отдѣленія италійцевъ отъ грековъ“ ⁴⁾. Италійскій народъ, пришедшій на Апеннинскій полуостровъ въ эпоху употребленія бронзы или

¹⁾ Die Verwandtschaftsverhältnisse etc. p. 25.

²⁾ Grammatik der oskisch-umbrischen Dialecte, p. 7.

³⁾ Grundriss, I, p. 8.

⁴⁾ Культурными растенія и проч., стр. 14.

по крайней мѣрѣ мѣди, былъ очень далеко отъ полукочеваго земледѣльческаго быта, и какъ мало онъ имѣлъ въ своемъ характерѣ общаго съ греками, объ этомъ всего лучше говорить намъ самъ Моммзень, указывая на „то глубокое духовное различіе между эллинами и италиками, послѣдствія котораго продолжаются до настоящаго дня“. Знаменитый историкъ принужденъ сказать: „Семья и государство, религія и искусство въ Италіи, какъ и въ Греціи, развились столь своеобразно, такъ всецѣло національно, что общая основа, на которую и въ этомъ случаѣ опирались оба народа, почти совершенно теряется изъ нашихъ глазъ“¹⁾.

На этомъ мы поканчиваемъ съ греко-италійскимъ единствомъ, котораго нигдѣ не видно и которое, еслибъ даже допустить его существованіе, — что противорѣчитъ даннымъ языкознанія, — не имѣетъ даже самой отдаленной связи съ культурой и жизнью древнѣйшаго Лациума и съ душевнымъ складомъ народа, изъ среды котораго вышли основатели Рима. Для насъ важно усмотрѣть моментъ, когда италійское племя уже болѣе или менѣе обособилось въ средѣ другихъ арійскихъ племенъ Европы и, оставивъ свои прежнія мѣста, стало занимать Апеннинскій полуостровъ, при чемъ той части его, которая извѣстна подъ именемъ Латинянь, досталась долина лѣваго берега нижняго Тибра и Альбанскія горы.

II.

Террамары и палафитты (свайныя постройки) Верхней Италіи.

Откуда, какъ, когда появилось италійское племя на Апеннинскомъ полуостровѣ, исторія объ этомъ намъ ничего не сообщаетъ; ничего не говорятъ объ этомъ и преданія. Но археологическія разысканія второй половины нашего столѣтія открыли намъ мѣсто, гдѣ на этомъ полуостровѣ прежде всего основалъ свои поселенія народъ, несомнѣнно индо-европейской расы, составлявшій передовой отрядъ занявшихъ современемъ весь полуостровъ италиковъ. Эти древнѣйшія поселенія открыты въ долинѣ По, въ такъ называемыхъ террамарахъ, гдѣ еще въ началѣ шестидесятихъ годовъ стали появляться на свѣтъ божій не только свайныя постройки отдаленнѣйшей эпохи, но и предметы,

¹⁾ Röm. Geschichte, I, 23—24 (3 изд.).

составлявшіе обстановку доисторическихъ обитателей, которымъ эти постройки принадлежали.

Что первоначальные слѣды жизни италиковъ должны были обнаружиться именно въ мѣстахъ между Альпами и Апенниннами, это совершенно естественно. Долина По представляетъ собой родъ преддверія къ полуострову, черезъ которое необходимо было пройти всякому, кто, идя съ сѣвера или съ востока, хотѣлъ проникнуть въ страну, прорѣзываемую Апенниннами. Какимъ именно путемъ вошли сюда первоначально будущіе хозяева полуострова, сѣвернымъ—черезъ Бреннеръ, С.-Готардъ и вообще центральныя Альпы, или сѣверо-восточнымъ—черезъ Карнійскія Альпы, или, наконецъ, восточнымъ—черезъ Альпы Юліевы, мы точно не знаемъ, хотя соображенія, которыя мы выскажемъ впоследствии, заставляютъ насъ считать возможнымъ въ данномъ случаѣ или сѣверное направленіе черезъ Тирольскія Альпы, или сѣверо-восточное—черезъ Карнійскія Альпы. Но какимъ бы путемъ они ни вошли въ новую страну, оставивъ позади себя Альпійскія горы, они должны были прогнать, отчасти истребить, отчасти покорить исконныхъ обитателей долины, Лигуровъ ¹⁾, чтобы сдѣлаться хозяевами новой территоріи.

Долина По, покрытая въ настоящее время городами, полями и виноградниками, еще во времена римской республики обладала густыми, иногда непроходимыми лѣсами ²⁾, а въ то далекое доисторическое время представлялась, конечно, еще болѣе лѣсистую, чѣмъ ея почву, отъ природы многоводную, прорѣзываемую множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, дѣлало еще болѣе влажною. Должно быть, это обстоятельство было одною изъ причинъ, если не главнѣйшею изъ нихъ ³⁾, что

¹⁾ См. мою статью „О происхожденіи сиколовъ“ въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1897, декабрь, стр. 356 слѣд., отд. изд. стр. 80 слѣд.

²⁾ Т. Ливій, повѣствуя о столкновеніяхъ Римлянъ въ этой долинѣ съ Галлами (Войнами), дважды (XXI, 25 и XXXIII, 37) говоритъ о густыхъ лѣсахъ, въ первомъ случаѣ окружавшихъ Мугину (нын. Модену), а въ другомъ находившихся близъ Фельсини (Болоньи). Восхищаясь необыкновеннымъ плодородіемъ и дешевою продуктовою долины По, Поливій (II, 15), видѣвшій страну лично, говоритъ о дубовыхъ лѣсахъ, желудями которыхъ кормилось тамъ огромное множество свиней. Даже во времена Страбона (начало имперіи) дубовые лѣса этой долины продолжали доставлять богатый кормъ названнымъ животнымъ, которые поставались въ огромномъ количествѣ на римскій рынокъ (V, I, 218). Справки эти приведены между прочимъ въ книгѣ Гельбига: *Italiker in der Poebene*, p. 25—26.

³⁾ Пигорини высказываетъ соображеніе, которое нельзя оставлять безъ вниманія, именно: причинной свайныхъ построекъ у Италиковъ въ долинѣ По была

мы видимъ древнѣйшія обиталища италичковъ построенными на сваяхъ, какъ устраивались въ древнѣйшее время жилища на озерахъ и болотахъ въ разныхъ мѣстахъ Европы—въ Швейцаріи, въ Венгріи, въ Австріи, въ Сѣверной Германіи, Польшѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ, и какъ это практикуется и теперь еще у народовъ первобытной культуры, напримѣръ въ Новой Гвинее¹⁾ и даже иногда у современныхъ намъ культурныхъ народовъ, напримѣръ у Лужичанъ въ Sgreewald'ъ²⁾. Но такъ какъ эти свайныя поселенія въ террамарахъ долины По обводились землянымъ валомъ, поддерживавшимся обыкновенно палисадами и рвомъ, то это указываетъ еще на другую причину такого способа устройствъ жилищъ—на потребность удобной защиты отъ враждебныхъ нападений людей и животныхъ. Какому собственно народу принадлежитъ первоначальное устройство въ долинѣ По свайныхъ поселеній, — первобытнымъ ли обитателямъ долины, Лигурамъ, или изгнаннымъ ихъ оттуда пришельцамъ арійскаго племени, это—вопросъ спорный. Одни, какъ Кьеричи, Стробель, Пигорини—палеэтнологи, первые серьезныя изслѣдователи террамаръ, а вмѣстѣ съ ними и германско-римскій археологъ Гельбингъ, первый, написавшій систематическое о нихъ изслѣдованіе³⁾, пользуясь работами своихъ предшественниковъ, считаютъ свайныя постройки въ долинѣ По дѣломъ *арійскими пришельцевъ*; другіе, какъ извѣстный болонскій археологъ профессоръ Бриціо⁴⁾ и не меньше извѣстный римскій

усвоенная ими раньше, на мѣстахъ ихъ прежняго пребыванія, привычка жить въ домахъ на сваяхъ. См. его статью о террамарѣ Кастионе Маркеси въ *Atti academiа Lincea* 1882—1883, p. 810. То обстоятельство, что многія террамары (въ пров. Моденѣ, по Креспелани, 9 на 16) находятся на холмахъ, придаетъ предположенію Пигорини не мало вѣроятія.

¹⁾ Объ этой особенності пауасовъ многіе у насъ слышали въ свое время отъ Миклухи-Маклая на его публичныхъ лекціяхъ, читавшихся въ залѣ С.-Пб. Думы. О томъ же говорится и въ трудахъ обнаруженныхъ разными европейскими изслѣдователями этого острова Великаго Океана. Изображеніе деревни Эпа, построенной на сваяхъ на сухомъ мѣстѣ, по Д'Альбертису (*Nuova Guinea*, tav. p. 201) итальянскому изслѣдователю южнаго берега Н. Гвинеи, можно видѣть въ новой книгѣ Серджи: *Arii e Italici* (Torino, 1898), p. 42.

²⁾ См. статью г. Штухова „Лужицкіе Сербы“ въ Сборникѣ учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ. Томъ I (Юрьевъ, 1898), стр. 69.

³⁾ Выше указанная книга.

⁴⁾ *La Grotta del Farnè* въ *Memorie dell' Accademia delle scienze dell' Istituto di Bologna* 1882; *Villaggio preistorico a fondi di capanne scoperto nell' Imolese* въ *Atti e memorie della R. Deputazione di storia patria per le provincie di Romagna*, 1884; а также въ *Nuova Antologia*, 1880 (апрѣль и октябрь).

антропологъ профессоръ Серджи ¹⁾ такъ же рѣшительно приписываютъ свайныя сооруженія *Лигурамъ*, съ тою впрочемъ разницею, что Бриццо оставляетъ ихъ за Лигурами вплоть до галльской эпохи, то-есть до 4-го вѣка до Р. Хр., а Серджи полагаетъ, что арійскіе пришельцы доисторическаго времени, изгнаны изъ свайныхъ построекъ Лигурами, поселились въ нихъ сами. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что самыя древнія поселенія италикковъ открываются намъ въ террамарахъ долины По. Туда мы и направимся.

Въ нашу задачу не входитъ касаться всѣхъ подробностей полемики по вопросу о террамарахъ, какая давно ведется и, повидимому, никогда не кончится въ Италіи. Она ведется не только изъ-за вопроса о томъ, какому народу принадлежитъ первоначальное устройство свайныхъ построекъ въ террамарахъ, съ чѣмъ тѣсно связанъ другой вопросъ,—былъ ли народъ, строившій дома на сваяхъ въ итальянскихъ озерахъ въ неолитическую эпоху, одинъ и тотъ же, что и народъ-виновникъ свайныхъ построекъ въ террамарахъ: она ведется также и по вопросу о томъ, къ какому вѣку, каменному или бронзовому, принадлежитъ происхождение террамаръ, а равно и о томъ, какое именно изъ индо-европейскихъ племенъ надобно считать ихъ обитателями въ бронзовый періодъ; наконецъ, спорятъ и о томъ, эти ли обитатели бронзовой эпохи, или же колонистамъ римскаго времени принадлежитъ ориентировка свайныхъ поселеній въ террамарахъ по плану, опредѣляемому двумя главными линиями—съ юга на сѣверъ (*cardo* у Римлянъ) и съ востока на западъ (*decumanus*), какъ потомъ Римляне располагали свои *templa*, города и лагеря. Есть не мало и другихъ предметовъ, возбуждающихъ споры и рѣшаемыхъ различно, но сейчасъ указанные могутъ быть названы главными и существенными. Существеннѣе же всѣхъ ихъ для насъ можетъ быть только слѣдующій за ними, но составляющій нашу ближайшую задачу, и выѣстъ съ тѣмъ очень скользкій вопросъ: въ какомъ отношеніи доисторическіе обитатели террамаръ и ихъ культура стоятъ къ латинскому народу и древнѣйшей культурѣ долины Тибра. Но этотъ вопросъ—впередѣ и возникаетъ лишь тогда, когда мы осмотримся въ террамарахъ и ближе ознакомимся съ бытомъ, особенностями и культурой ихъ до-историческихъ обитателей, или даже тогда, когда мы изъ долины По подвинемся черезъ Апеннины впередъ и подойдемъ къ Тибру.

---

¹⁾ Преимущественно въ послѣдней своей только-что упомянутой книгѣ *Agii e Italici*, p. 50.